

Jacobson E., Kubarev V.D., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor: En 2 t. – P.: De Boccard, 2001. – 481 p. + 1318 figs. – (Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale; N 6).

Khujanazarov M. Petroglyphs of Uzbekistan // Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: International Institute of Central Asian Studies, 2001. – P. 80 – 121.

Kubarev V.D., Jacobson E. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 3. Sibérie du Sud 3: Kalbak-Tash I (République de l'Altai). – P. De Boccard, 1996. – 45 p. + 622 figs.

Kuzmina E.E. Cultural Connections of the Tarim Basin People and Pastoralists of the Asian Steppes in the Bronze Age // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia / Ed. by V.H. Mair. – Washington, D.C.: Institute for the Study of Man, 1998. – Vol. 1. – P. 63 – 93.

Lin Yun. Reexamination of the relationship between bronzes of the Shang culture and of the Northern Zone // Studies

of Shang Archaeology / Ed. by K.C. Chang. – New Haven; L.: Yale University Press, 1986. – P. 237 – 273.

Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans. – L.: Thames and Hudson, 1989. – 288 p.

Mei Jianjun. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. – Oxford: Archaeopress, 2000. – 187 p. – (BAR International Series; N 865).

Pearson M.P. Mortuary practices, society and ideology: an ethnoarchaeological study // Symbolic and Structural Archaeology / Ed. by I. Hodder. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – P. 99 – 113.

Samashev Z. Petroglyphs of Kazakhstan // Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek: International Institute of Central Asian Studies, 2001. – P. 151 – 219.

Sulimirsky T. Prehistoric Russia. – L.: John Baker, 1970. – 449 p.

Материал поступил в редколлегию 14.01.02 г.

УДК 902.2

В.И. Молодин, А.В. Новиков, Р.В. Жемерикин*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@nus.nsc.ru***МОГИЛЬНИК СТАРЫЙ ТАРТАС-4
(новые материалы по андроновской историко-культурной общности)****Введение**

Андроновская историко-культурная общность – яркое и самобытное образование эпохи бронзы. Ее памятники открыты и исследованы на огромной территории Северной Азии. Лесостепь Западной Сибири также относится к зонам проживания носителей андроновских культурно-исторических традиций, археологическое исследование которых ведется уже более 100 лет [Позднякова, 2001, с. 89]. По “андроновской” проблеме написаны десятки монографий и сотни статей (об этом см., напр.: [Кузьмина, 1994, с. 281 – 359; Матвеев, 1998, с. 380 – 396; Эрлих, 1994; и др.]). Тем не менее перед исследователями андроновской культурно-исторической общности по-прежнему остро стоит целый спектр проблем, в т.ч. касающихся реконструкции семантики погребального обряда, орнаментики андроновской посуды, социальной и демографической структуры андроновского общества, а также выявления общего и особенного в культурных традициях на огромной территории бытования общности и т.д.

Одним из главных условий в решении этих и многих других проблем андроноведения является изучение новых памятников (как поселений, так и могильников), полностью исследованных на современном уровне полевой методики. В последнее время в западносибирской лесостепи ведутся широкомасштабные работы на ряде андроновских, или андронидных, некрополей [Абдулганеев и др., 1996, с. 11 – 20; Бобров, Горяев, 2000, с. 226 – 230; Кирюшин, Лузин, 1993, с. 67 – 94; Ковтун, Горяев, 2001, с. 53 – 63; Папин, Позднякова, Шамшин, 2001, с. 435 – 459; Тишкин, Позднякова, 2001, с. 460 – 464; Шамшин, 1997,

с. 326 – 331; и др.]. Однако полностью изученных памятников сегодня известно пока немного (один из последних обзоров исследованных андроновских могильников лесостепи Верхнего Приобья и особенностей зафиксированной в них погребальной обрядности см.: [Кирюшин, 1995, с. 58 – 75], еще меньше качественно опубликованных их материалов. О могильнике Старый Тартас-4 в печати появлялись лишь отрывочные сведения [Молодин, Новиков, 1998, с. 57, рис. 70; с. 83, рис. 94; Молодин, Новиков, Гришин, 1998, с. 294 – 299; Жемерикин, 1999, с. 366 – 371].

**Характеристика памятника.
Результаты полевых исследований**

Курганный могильник Старый Тартас-4 обнаружен в 1982 г. В.А. Захом. Памятник расположен в 1,5 км к юго-востоку от с. Старый Тартас Венгеровского р-на Новосибирской обл. на гриве в 0,5 км к югу от края высокой (7 – 9 м) надпойменной террасы левого берега р. Омь (рис. 1). Грива, на которой уже десятилетия ведется интенсивная распашка, в настоящее время к тому же подвергается сильной ветровой эрозии. Все это, вероятно, привело к разрушению отдельных насыпей курганов. В.А. Захом была зафиксирована 21 насыпь различного диаметра. В пределах могильника можно выделить группы (“цепочки”) насыпей, которые ориентированы по линии север – юг. В ходе проводившейся в 1994 г. инвентаризации памятников Венгеровского р-на при осмотре могильника нами было насчитано только 19 курганных насыпей (рис. 2). Аварийное состояние памятника явилось причиной проведения охранных раскопок.

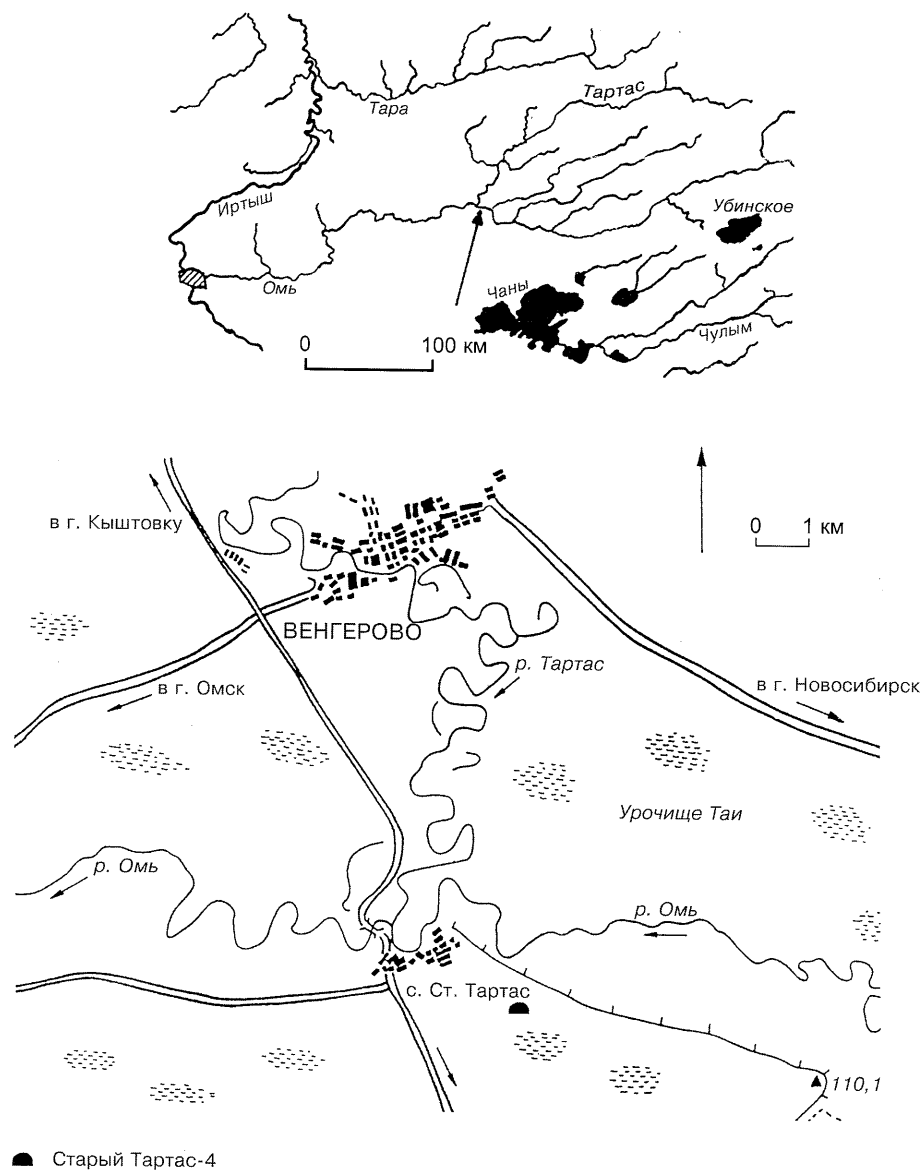

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Старый Тарбас-4.

Пятнадцать насыпей круглой формы диаметром 6–13 м и высотой 0,2–1 м (от уровня современной дневной поверхности) расположены компактной группой, еще четыре кургана несколько удалены к западу от нее на 15–90 м. Диаметр этих насыпей 11–20 м, высота 0,3–0,4 м.

Стратиграфическая ситуация, зафиксированная при раскопках могильника, следующая:

1. Дерн – до 10 см.
2. Насыпи сложены из темно-серой супеси мощностью до 80 см.
3. Желтый суглинок с мерзлотными трещинами, заполненными серой супесью, – материк.
4. В центральной части отдельных насыпей курганов, выше уровня материка в слое темно-серой су-

песи зафиксированы “линзы” желтой супеси мощностью 10–15 см. Очевидно, это материковые выбросы из могильных ям.

5. В некоторых разрезах имеются следы прокалов, представляющие собой ярко красную супесь – остатки кострищ.

Памятник представляет разнообразные формы погребальной обрядности, сопутствующей посуды и другого инвентаря (см. таблицу). Более развернутую информацию можно найти в отчетах В.И. Молодина о работах Западно-Сибирского отряда в 1995–1998 гг., хранящихся в архивах отдела полевых исследований Института археологии РАН и Института археологии и этнографии СО РАН.

№ кур-гана	Насыпь								№ могилы	Длина могилы, м	Ширина могилы, м	Глубина могилы от уровня материка, м	Охра	Деревянное перекрытие	Возраст погребенного	Труположение
	диаметр, м	высота, м	находки	прокал	яма	КОСТИ ЖИВОТНЫХ	ров	кол-во могил								
1	9	0,4	+	-	-	-	-	1	1	2	1,8	0,6	-	-	В	+
2	7,5	0,3	-	+	-	-	-	1	1	1,62	1,05	0,68	-	-	?	-
3	12,5	0,9	+	-	-	+	+	1	1	1,9	1,28	1,03	-	-	?	-
4	6	0,1	-	-	-	-	-	1	1	1,14	0,75	0,24	-	-	Р	+
5	16	0,8	-	+	+	+	+	1	1	3	2,7	1,47	-	-	?	-
6	10	0,4	-	+	+	+	-	1	1	2,3	1,6	0,8	+	-	?	-
7	8,5	0,2	-	-	-	-	+	2	1 (1)	1,1	0,9	0,3	-	-	Р	+
									1 (2)	1,1	0,9	0,3	-	-	Р	+
									2 (1)	1,06	0,9	0,25	-	-	Р	+
									2 (2)	1,06	0,9	0,25	-	-	Р	+
8	11	0,58	-	+	-	-	-	1	1	2,53	1,59	0,66	-	-	?	-
9	14,5	0,57	-	+	+	-	-	1	1	2,5	1,6	0,92	+	-	Р	+
10	12	0,58	+	+	-	+	-	1	1 (1)	3	1,7	1,1	-	-	Р	+
									1 (2)	3	1,7	1,1	-	-	?	-
11	8	0,2	-	+	+	-	-	1	1	1,02	0,7	0,24	-	-	Р	+
12	11	0,95	-	+	-	-	-	1	1	2,2	1,4	0,93	-	-	?	-
13	6	0,15	-	-	-	-	-	1	1	1,59	1,57	0,37	-	-	Р	+
14	7,3	0,2	-	+	-	-	-	2	1	1,4	0,98	0,35	-	+	Р	+
									2	1,4	0,93	0,5	-	-	Р	+
15	12,75	0,4	-	+	-	-	-	1	1	2,21	1,31	0,95	-	-	?	-
16	15	0,55	+	+	+	-	-	1	1	2,12	1,74	0,65	-	-	?	-
17	14	0,6	+	+	-	-	-	2	1	2	1,6	0,48	-	-	Р	+
									2	1,8	1,4	0,5	-	-	?	-
19	21,5	0,5	+	+	-	-	+	3	1	0,71	0,5	0,44	-	-	?	-
									2	2,05	1,2	0,56	-	-	?	-
									3	2,15	1,7	0,69	-	-	?	-
Итого								23								

Примечание. "В" – взрослый, "Р" – ребенок. В графе "№ могилы" в скобках указан номер погребения.

Кроме 23 погребений, обнаруженных в 19 исследованных курганах, данные о которых отражены в таблице, на памятнике благодаря фронтальному исследованию найдено два грунтовых погребения, несомненно принадлежащих по времени к изучаемому некрополю.

Грунтовое погр. 1. Расположено неподалеку от кург. № 2. Могильная яма прямоугольной формы размерами 1,14 × 0,74 × 0,41 м ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Остатки скелета ребенка очень плохой сохранности, что не позволяет говорить о положении и ориентации погребенного в могиле. У юго-западной стенки обнаружен сосуд.

Грунтовое погр. 2. К северу от кург. № 16 обнаружено 56 ям, расположенных рядами. Внешние ряды ям образовывали подпрямоугольную фигуру размерами 7 × 4,8 м, ориентированную по линии северо-запад – юго-восток. В ее центре находились большая яма и погр. 2. Выявленные ямы делятся на две группы. К первой относятся 14 ям, заполненных светлосерой супесью и включениями материкового суглинка. Они сходны по габаритам, одинаковой в плане формы. Вторая группа, к которой относится большая часть ям, образует контур означенного прямоугольника. По глубине и форме они более разнообразны, чем остальные, заполнены темно-серой супесью.

могильника Старый Тартас-4

Вытянуто	Скорченно	На правом боку	На левом боку	Ориентация	Одинокое	Парное	Коллективное	Захоронение головы	Признаки трупосождения	Бронзовая игла, экз.	Бронзовая пластина, экз.	Бронзовое кольцо, экз.	Ножевидная пластина, экз.	Бронзовый топорик, экз.	Сосуд, экз.	Речная раковина, экз.	Астрагал, экз.
-	?	?	?	?	+	-	-	-	-	-	1	1	-	-	2 (1)	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	1	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	2 (1)	-	-
-	+	-	+	СВ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	1	-	-	-	-	5 (?)	+	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	4	-	-
-	+	-	+	З	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
-	-	-	-	З	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
+	-	-	-	З	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
?	?	?	?	З	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	2	-	-
?	?	?	?	?	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4 (?)	-	-
-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	6 (?)	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	+	-	+	ЮЗ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
-	-	-	-	?	?	?	?	-	+	-	-	2	-	-	2	-	-
-	+	-	+	З	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-
-	+	+	-	?	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	22
-	+	-	+	ЮЗ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	6	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	2	-	-
-	?	?	?	ЮЗ	+	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	4 (?)	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	1	-	1	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	?	?	?	-	+	-	-	-	-	-	10 (?)	-	-
										1	1	3	1	1	64 (?)		22

Могильная яма погребения не перерезает материк, поэтому ее размеры можно установить лишь приблизительно – 1,5 × 0,65 м. Обнаружено погребение ребенка. Скелет сохранился плохо, однако, очевидно, что ребенок погребен на левом боку в скорченном положении головой на юго-запад. Находок в погребении не обнаружено.

На курганном могильнике Старый Тартас-4 раскопано 18 из 19 отмеченных нами курганных насыпей, обнаружено 25 погребений. Нераскопанным остался кург. № 18, почти полностью разрушенный при разграблении, и, вероятно, зафиксированные В.А. Захом две курганные насыпи, целиком уничтоженные распашкой и нами не обнаруженные.

Планиграфия могильника

Курганы могильника планиграфически четко делятся на две большие группы: первая – курганы № 1 – 15, вторая – курганы № 16 – 19 (см. рис. 2).

Планиграфическое ядро могильника составляют курганы № 2 – 14, западное крыло – курганы № 16 – 19, восточное – курганы № 1, 15, плюс две исчезнувшие конструкции. Центральная группа тоже демонстрирует неоднородность принципов организации составляющих ее курганов: первая группа – курганы № 3, 6, 8, 9, вытянутые в цепочку по линии северо-восток – юго-запад; вторая – три крупные (№ 5, 10, 12)

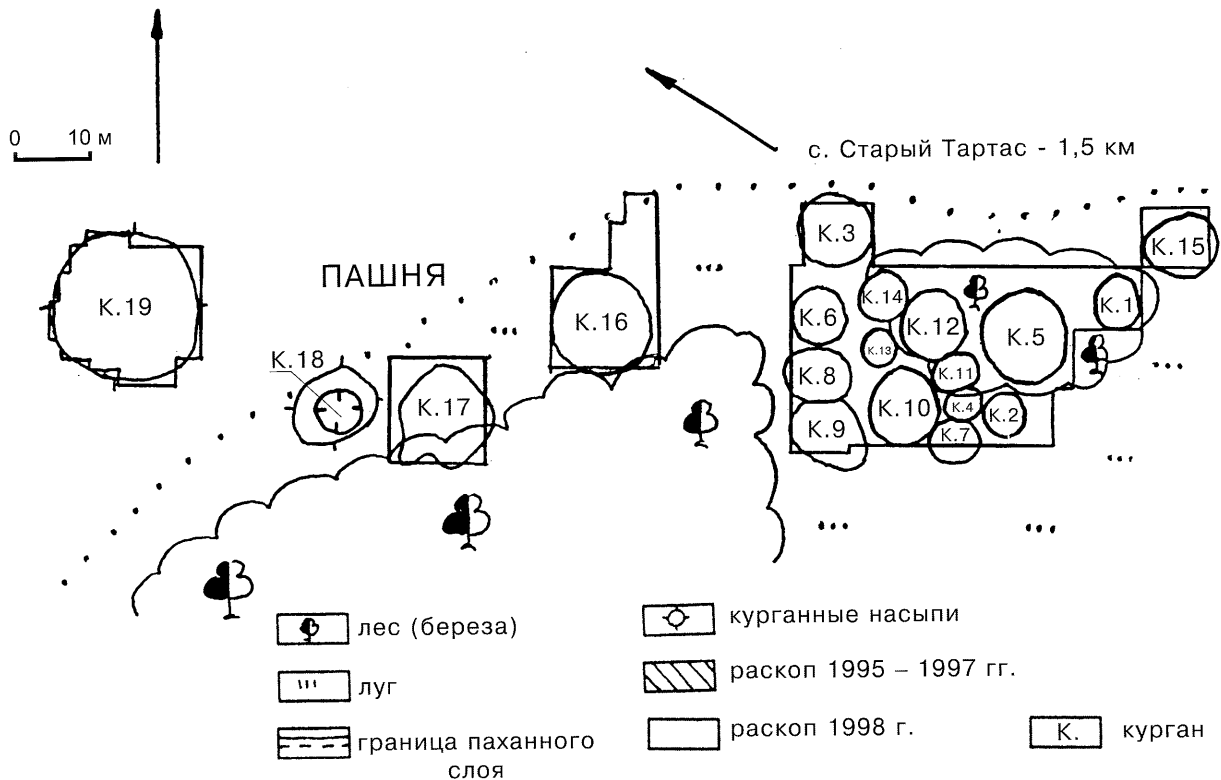

Рис. 2. План курганного могильника Старый Тартас-4 с контурами раскопов.

и шесть маленьких (над детскими погребениями № 2, 4, 7, 13, 14) насыпей, грунтовое погр. 1. В рамках этой группы сооружений центральное место занимают более крупные по размерам насыпи, содержащие, судя по параметрам ям, погребения взрослых; на периферии же находятся меньшие по величине конструкции, возведенные над детскими захоронениями.

Погребальная архитектура и ритуалы

В целом земляные сооружения достаточно хорошо делятся и по величине, и по внешним конструктивным особенностям. Все они в плане округлые или слегка овальные. Диаметр сооружений, воздвигнутых над захоронениями, вероятно взрослых, составляет от 7,5 до 21,5 м, “детских” – от 6 до 14,5 м. В высоту земляные сооружения, под которыми были погребены взрослые, также больше (от 0,3 до 0,9 м), чем конструкции над детскими могилами (от 0,1 до 0,58 м).

Сооружение земляной конструкции над погребальной камерой сопровождалось традиционным разведением костров, следы которых в виде одного или нескольких прокалов обнаружены в 13 (72,2%) из 18 случаев. Очевидно, что перед нами следы устойчивого элемента погребального ритуала, связанного с огнем. Пожалуй, в виде исключения в насыпях кур-

ганов встречены фрагменты андроновской посуды и кости животных, возможно, остатки погребальных пиршеств (6 (33,3%) из 18 случаев).

Пространственная обособленность курганов западного крыла подчеркивается их конструктивными отличиями, причем эти особенности характерны для структуры всех трех курганов – вокруг центрального погребения (погребений) с четырех сторон имеются углубления в грунте (рвы, могила, жертвенная яма).

Курган № 16 – под насыпью вокруг центрального погребения имеет три вытянутых рва и жертвенную яму на месте четвертого.

Курган № 17 – два рва вокруг главного погребения, а вместо ожидаемого третьего рва находится детское погребение (рис. 3, 1).

Курган № 19 – вокруг центральных погребений находится четыре длинных рва, в одном погребении обнаружены в сосуде жженные кости (рис. 3, 2).

Рвы под насыпью отдельных андроновских курганов отмечены в Барабе [Молодин, 1985, с. 105] и в Верхней Оби [Кирюшин, 1995, с. 67].

Важно подчеркнуть, что черты, присущие надмогильным сооружениям (остатки костров – прокалы в насыпи, ямы, остатки мясной пищи и разбитой посуды), наблюдаются и в сменяющей в регионе андроновскую ирменской культуре эпохи поздней бронзы [Молодин, 1985, с. 131 – 136]. Данную преемствен-

ность особенно ярко демонстрируют четырехугольные ровики в ряде погребальных комплексов памятника Старый Тартас-4. Аналогичные конструкции, как и близкие в плане сооружения, зафиксированы на памятниках ирменской культуры [Там же, с. 133; Молодин, Чикишева, 1988, с. 132, 135, 146, 148], что может свидетельствовать о хронологической и генетической близости сопоставляемых комплексов данных культур.

Погребения могильника

При раскопках могильника Старый Тартас-4 были обнаружены 25 погребений, из них 13 взрослых*, 11 детских, одно совместное (рис. 4, 5). В трех погребениях находилось по два костяка детей.

Все захоронения взрослых на данном некрополе были произведены под курганными насыпями, что является характерной чертой погребального обряда федоровских памятников Барабы [Молодин, 1985, с. 105], широко представленной и на сопредельных территориях лесостепного Приобья [Кирюшин, 1995, с. 59 – 61].

На подкурганной площадке отмечено от одного до трех захоронений. В восьми из девяти курганов, являющихся местом погребения взрослых, прослеживается по одному погребению. В кург. № 19 было совершено три погребения. Все могилы расположены в центре кургана. Только одна из могил кург. № 19 сооружена непосредственно в северо-восточном углу ямы рва № 1.

Могильные ямы подпрямоугольной и прямоугольной формы имеют закругленные углы. Перекрытия и обкладки из камня и дерева в могилах отсутствуют. Длина могильных ям колеблется от 0,71 до 3 м, ширина – от 0,5 до 2,7 м, глубина от уровня материка – от 0,44 до 1,47 м. Могильные ямы ориентированы, как правило, по линии северо-восток – юго-запад.

Труположение было отмечено лишь в одной могильной яме. Кости находились в полном беспорядке, поэтому говорить о положении погребенного в могиле не представляется возможным. Все остальные погребения взрослых на могильнике Старый Тартас-4 совершены по обряду трупосожжения. В могилах не прослеживается определенный порядок в расположении кальцинированных костей – остатков трупосожжения в могиле. В некоторых погребениях такие кости встречаются в заполнении могильной ямы, в двух (кург. № 8, погр. 1; кург. № 12, погр. 1) кальцинированные кости локализовались в центре могильной ямы. В погр. 1 кург. № 19 кости находились

* Следует иметь в виду, что определение захоронений людей, выполненных по обряду кремации, как взрослых следует воспринимать с определенной долей условности, поскольку говорить о возрасте и численности кремированных можно далеко не всегда.

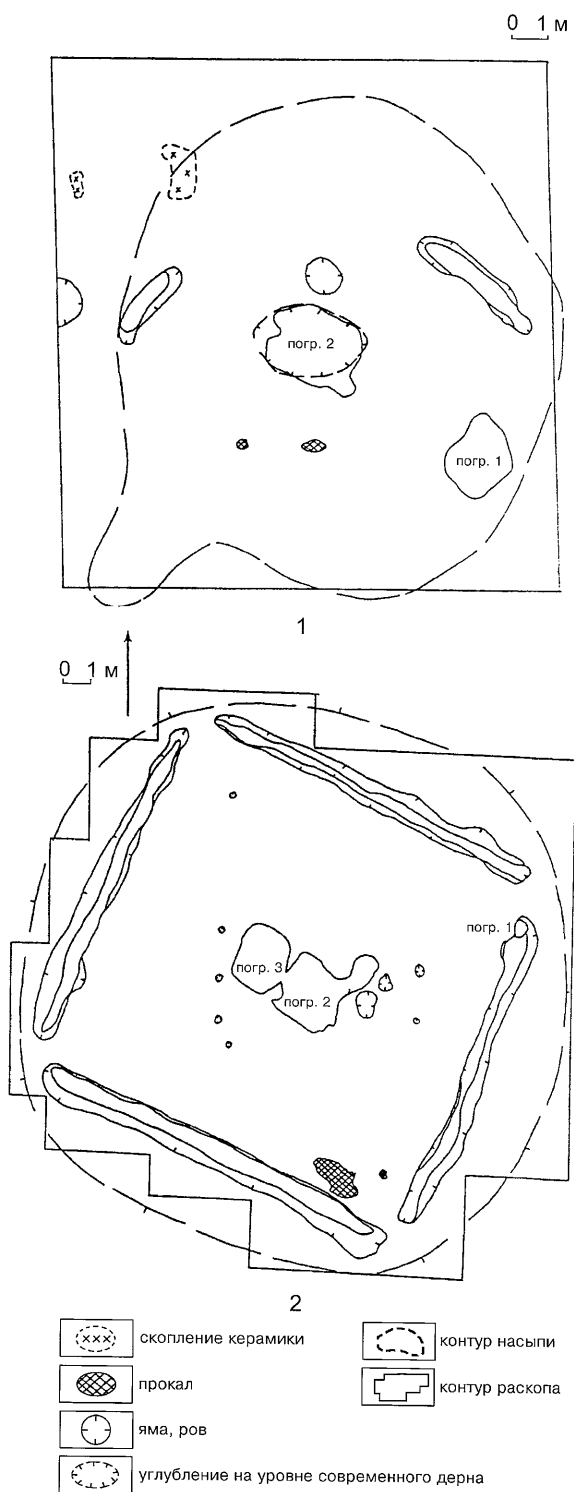

Рис. 3. Планы курганов № 17 (1) и 19 (2).

в сосуде. Можно предположить, что при совершении ритуала в могильную яму сначала поместили сосуды, а затем в нее засыпали прах умерших, который до этого едва ли находился в какой-то емкости, о чем свидетельствует ситуация в мог. № 1 кург. № 15, а также других захоронениях. Сожжение умерших соверша-

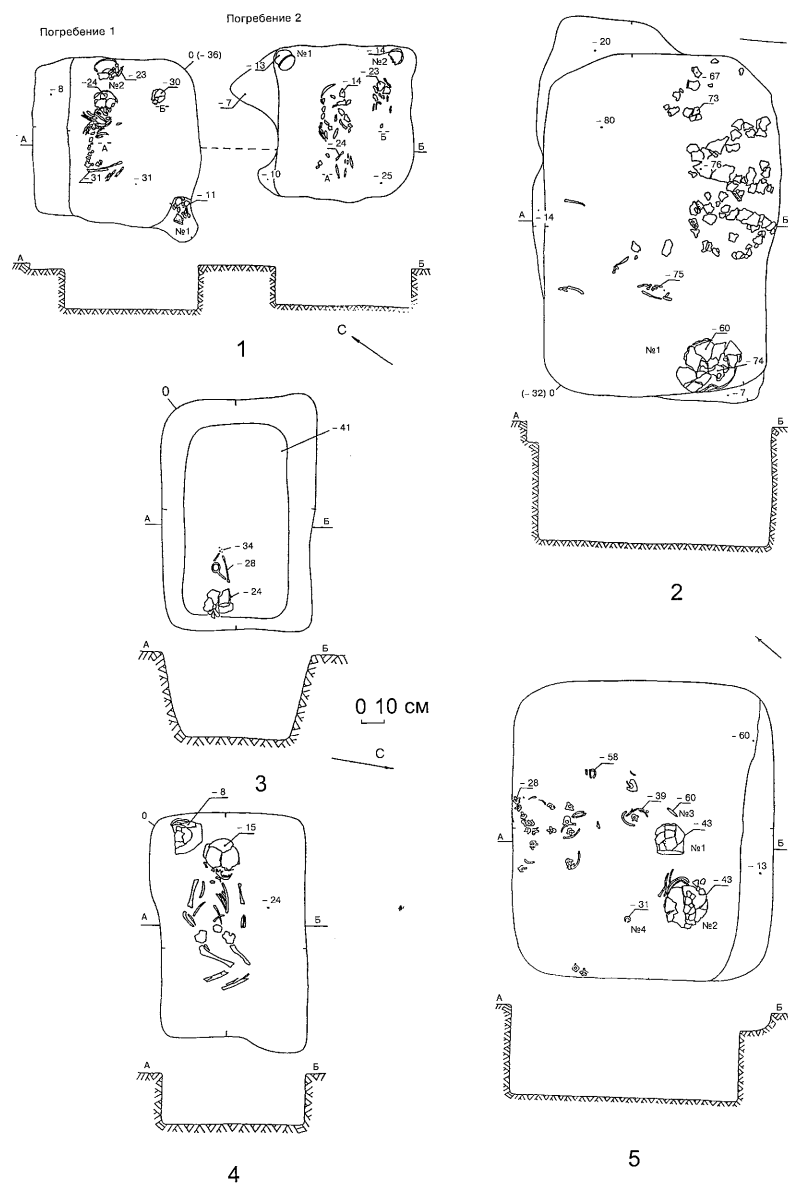

Рис. 4. Типы погребений могильника Старый Таргас-4.

1 – кург. № 7, погр. 1, 2; 2 – кург. № 6, погр. 1; 3 – грунтовый могильник, погр. 1;
4 – кург. № 4, погр. 1; 5 – кург. № 1, погр. 1.

лось на стороне. Лишь в погр. 1 кург. № 16 зафиксированы прокаленные стенки могилы, что указывает на кремацию непосредственно в могильной яме. Аналоги означенному обряду мы находим практически на всей территории бытования федоровских памятников андроновской общности [Молодин, 1985, с. 105 – 106; Кирюшин, 1995, с. 62; и др.].

Интересен факт погребения во рву № 1 кург. № 19. Подобное не отмечалось в других андроновских (федоровских) памятниках Барабы. Вместе с тем в кург. № 7 могильника Путиловская Заимка-2 (Северный Казахстан) за каменной оградкой в юго-восточном секторе во рву была обнаружена ямка подпрямоу-

гольной формы, на дне которой у северо-западной стенки находился сосуд, а в центре могилы – кучка кальцинированных костей. На памятнике Бурлук I (Северный Казахстан) в ограде № 9 под камнями в ямке найден развал сосуда, в котором были пережженные кости [Зданович, 1988, с. 97, 105]. Оба памятника отнесены исследователями к федоровской культуре.

На могильнике Старый Таргас-4 было обнаружено 11 детских могил, что составляет 44% от общего количества погребений. Детские погребения отмечены двух видов – подкурганные (девять) и грунтовые (два). Прослежено два вида подкурганных захоронений детей: 1) по два погребения под одной курганной насыпью (кург. № 7, погр. 1, 2; кург. № 14, погр. 1, 2); 2) одно погребение под курганной насыпью в центре.

Детские захоронения находились в основном под отдельными курганными насыпями, которые располагались между курганами, содержащими захоронения взрослых. Эта тенденция прослеживается и на других андроновских памятниках восточного ареала культуры. М.П. Грязнов на основе исследований ряда памятников на верхней Оби предположил, что у андроновцев существовал обычай хоронить своих детей на отдельных кладбищах [1956, с. 22]. Эту гипотезу поддержал Г.А. Максименков [1978, с. 53]. По мне-

нию В.И. Матющенко, на андроновских памятниках такая закономерность не прослеживается [1973, с. 40]. Одним из авторов данной статьи было проведено специальное изучение детских погребений полностью исследованного памятника Преображенка-3, в результате которого установлены разные варианты захоронения детей андроновцев, в т.ч. специальные грунтовые детские могильники [Молодин, 1984, с. 37 – 44]. Подобное сочетание зафиксировано на анализируемом памятнике. Погребения детей совершались по обряду трупоположения на левом боку в скорченном положении головой на юго-запад, реже на запад и востоко-северо-восток. Аналогичная ориентация костяка

наблюдается на других федоровских памятниках Барабы [Молодин, 1985, с. 110]. Была обнаружена могила с прокаленными стенками (кург. № 14, погр. 1), что свидетельствует об использовании огня в процессе погребения умершего. В центре могилы лежал обожженный череп ребенка, здесь же находилось в полном беспорядке несколько костей его скелета. В двух могилах захоронены только головы умерших детей.

В могилах отмечены парные (кург. № 7, погр. 1, 2) и одиночные захоронения. Парные захоронения детей встречаются и в андроновских погребениях в Минусинской котловине [Максименков, 1978, с. 28, 34].

Захоронение взрослого и ребенка зафиксировано в двух вариантах: первый – взрослое и детское погребение под одной курганный насыпью (кург. № 17, погр. 1, 2); второй – совместное захоронение, скорее всего, взрослого, совершенное по обряду трупосожжения, и ребенка, от которого найден только череп (кург. № 10). Погребения, подобные последнему, представлены на памятнике Преображенка-3. Здесь в погр. 2 кург. № 12 в прямоугольной яме, ориентированной по линии юго-запад – северо-восток, находился скелет ребенка в скорченном положении, в районе костей его ног помещалась кучка пережженных костей, вероятно взрослого человека [Молодин, Соболев, 1975, с. 14]. Захоронения такого типа М.Д. Хлобыстина связывала с особым видом погребального обряда, который она назвала “биритуальным” [1976, с. 8 – 15]. Признавая своеобразие данного варианта погребального обряда, отметим, что сам термин “биритуальность” может быть применен только к совместному захоронению ребенка по обряду ингумации и взрослого по обряду кремации. Если же оба умерших похоронены по обряду ингумации, то использование термина “биритуальность” некорректно [Молодин, 1985, с. 109]. В целом можно заключить, что памятник Старый Тартас-4 имеет общие для федоровских могильников черты, характерные как для территории Барабинской лесостепи [Там же, с. 104 – 113], так и для практически всего ареала данной культуры.

Остановимся на планиграфических конструктивных особенностях периферийных курганов (№ 16, 17, 19). Они отличаются главным образом удаленностью от остальной группы и разреженностью, размерами, элементами погребальных сооружений (наличие ям-рвов, ритуальной ямы, комплекс ямок у погр. 20), оригинальным сопроводительным инвентарем. Эти характерные черты нельзя объяснить разновременностью и разнотипностью центральных и периферийных курганов, т.к. в их могилах представлены обряд трупосожжения и керамика федоровского типа. Вероятно, специфика устройства периферийных курганов связана с захоронениями в них особо выделяемых по каким-либо причинам федоровцев (социальный, имущественный ста-

1

2

3

Рис. 5. Барабинская лесостепь, вид на р. Омь в районе могильника Старый Тартас-4 (1); общий вид (2) и его фрагмент (3) погр. 1 кург. № 16.

тус, половозрастные признаки?). Подобные памятники известны в Центральном Казахстане [Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, с. 66].

Инвентарь

Основным видом погребального инвентаря данного могильника, как и других памятников данной культу-

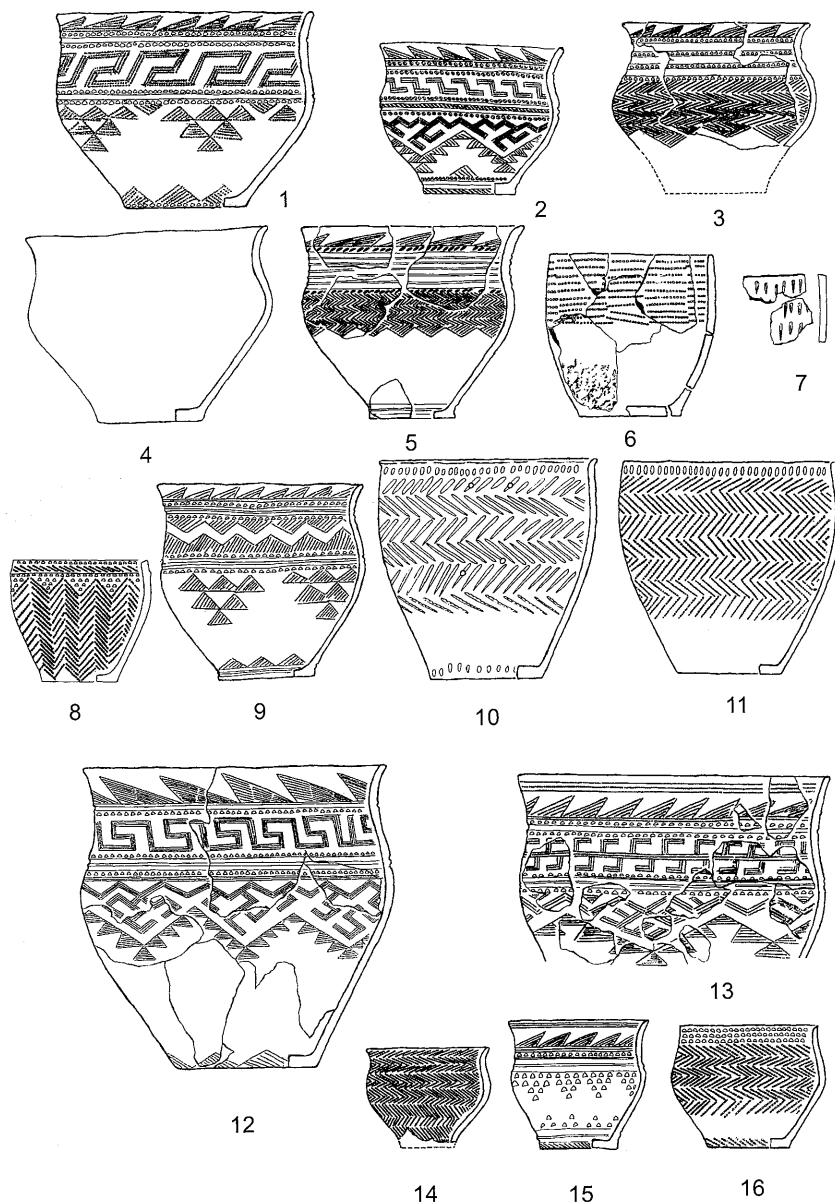

Рис. 6. Керамика из могильника Старый Тартас-4.

1, 2 – кург. № 1, погр. 1; 3 – насыпь кург. № 1; 4 – кург. № 2, погр. 1; 5 – кург. № 3, насыпь; 6, 7 – кург. № 3, погр. 1; 8 – кург. № 4, погр. 1; 9 – 13 – кург. № 5, погр. 1; 14 – кург. № 13, погр. 1; 15 – грунтовое погр. 1; 16 – кург. № 11, погр. 1.

ры, является глиняная посуда. В целом рассматриваемый керамический комплекс памятника демонстрирует типичные для андроновской культуры формы и орнаменты, являя при этом ряд ярких своеобразных черт.

Посуда

При раскопках могильника обнаружено (в основном в погребениях и насыпях курганов) не менее 64 сосудов (рис. 6 – 9). Из них 38 сосудов являются археологически целыми, 26 представлены только фрагмента-

ми, на основании которых удалось сделать полную графическую реконструкцию еще для 15 сосудов, 11 возможно реконструировать лишь частично.

К настоящему времени в андроноведении разработаны методы анализа орнамента (см., напр.: [Зотова, 1965, с. 177 – 181; Михайлов, 1990, с. 9; Ковтун, Михайлов, 1998, с. 253 – 257]). Они ориентированы на изучение значительных групп сосудов из разных памятников и позволяют аргументированно выделять в общей массе андроновской посуды отдельные типы и варианты, локальные комплексы на основании особенностей построения орнамента. Не менее полезным и актуальным представляется детальный анализ керамического комплекса отдельно взятого памятника.

Полученный на могильнике керамический комплекс в целом характерен для федоровских памятников как Барабы, так и других зон ареала данной культуры. Подавляющее большинство сосудов соответствует классическому для андроновской культуры набору типов керамики (при расчетах учитывались только археологически целые и сосуды, для которых удалось сделать графическую реконструкцию, – 53 экз.): плавно профилированные богато украшенные – 39 экз. (73,6% комплекса), простые баночной – 10 экз. (18,9%) и переходной формы (баночные сосуды со слабо выраженным венчиком) – 4 экз. (7,5% комплекса).

Наряду с классическими андроновскими сосудами в могильнике обнаружены довольно редкие образцы: в курганах № 16 и 19 по одному сосуду с подчетырехугольным устьем (см. рис. 8, 15; 9, 7);

в двух курганах сосуды с валиками: кург. № 6 – валик наlepной, сам горшок обнаружен в комплексе с другими сосудами (см. рис. 7, 4), кург. № 4 – формованный валик, единственный в погребении сосуд (см. рис. 6, 8);

в кург. № 16 вместе с федоровским сосудом с подчетырехугольным устьем обнаружен сосуд, выпол-

ненный, скорее всего, по алакульской традиции, – с ребром на стыке тулова и шейки, с двумя выраженными ребрами на шейке (см. рис. 8, 16). Близкие аналоги этому сосуду (с одним ребром на шейке) обнаружены, напр., в могильниках Семипалатное (кург. № 6, сосуд 56; кург. № 2, сосуды 15, 23) и Аксайман (кург. № 9, 10) [Зданович, 1988, с. 85, 104, 108].

По особенностям технологии изготовления сосудов, обнаруженных в могильнике Старый Тартас-4, выявлено три пары сосудов, изготовленных, вероятно, рукой одного мастера. Такие пары обнаружены в кург. № 6, погр. 1 (см. рис. 7, 1, 2); кург. № 7, погр. 2 (см. рис. 7, 7, 8); кург. № 10, погр. 1 (см. рис. 8, 2, 5). Сосуды оформлены с помощью одного штампа, имеющего характерные особенности (размеры и частота зубцов с дефектами). Кроме того, изделия сходны по очертаниям, составу теста, толщине стенок. Два сосуда из кург. № 6 демонстрируют полное тождество орнаментальных схем (см. рис. 7, 1, 2). Факты обнаружения в одном погребении двух сосудов с одинаковыми сложными трехчастными орнаментальными схемами нам неизвестны.

Отмеченным выше планиграфическим особенностям могильника соответствуют некоторые специфические черты выделенных типов керамики в курганах указанных групп.

Две (№ 5, 10) из трех крупных насыпей в правой части центральной группы содержат идентичный с точки зрения типологии орнамента набор посуды – три профилированных горшка со сложным “ковровым” узором и два с простым елочным (см. рис. 6, 9–13; 8, 1–5). Во всех трех крупных курганах этой группы имеется по одному горшку с “ковровым” орнаментом и полосой оттисков штампа над треугольниками венчика (см. рис. 6, 13; 7, 14; 8, 4). Доля этого мотива в общей массе орнаментальных мотивов могильника еще более возрастает при учете горшочка из грунтового погр. 1 (см. рис. 6, 15). Эта незначительная, на первый взгляд, деталь, весьма примечательна, т.к. для богато орнаментированных сосудов с трехзональным членением поля и рядом треугольников по венчику

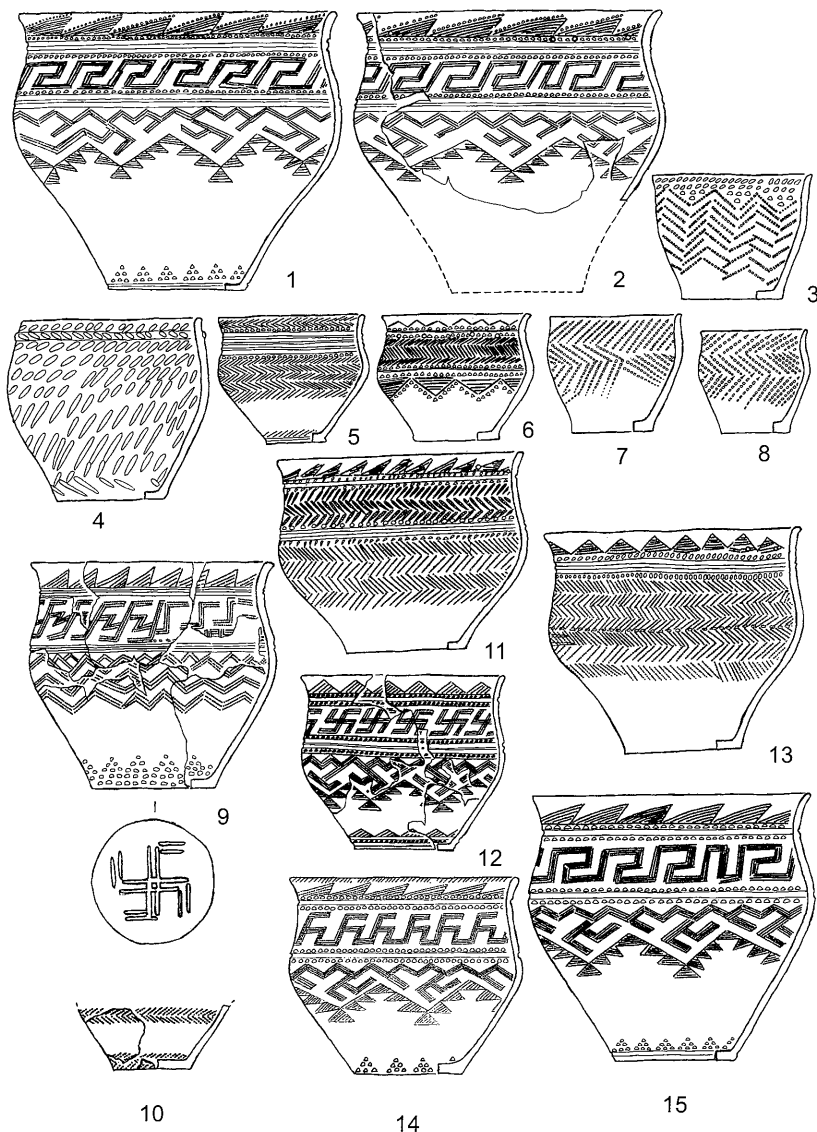

Рис. 7. Керамика из могильника Старый Тартас-4.

1 – 4 – кург. № 6, погр. 1; 5, 6 – кург. № 7, погр. 1; 7, 8 – кург. № 7, погр. 2; 9, 10 – кург. № 8, погр. 1; 11 – 13 – кург. № 9, погр. 1; 14, 15 – кург. № 12, погр. 1.

из восточной провинции андроновской культурно-исторической общности наличие такой дополнительной полосы абсолютно нехарактерно. В массиве андроновских классических сосудов с “ковровым” узором такой мотив, как полоска оттисков над треугольниками венчика, встречается только на единичных изделиях (Орак, мог. 28; Боровое, ограда № 10, мог. 2; Вахрушево, кург. № 3 и др.) [Комарова, 1961, с. 71, табл. XIII, 3; Оразбаев, 1958, табл. II; Троицкая, 1969, с. 5, рис. 1, а]. Примечательно, что полоска оттисков над треугольниками венчика характерна для орнаментальной схемы сосудов федоровской культуры, обнаруженных на Урале и в Казахстане (Солнце-Талика, Уреф-

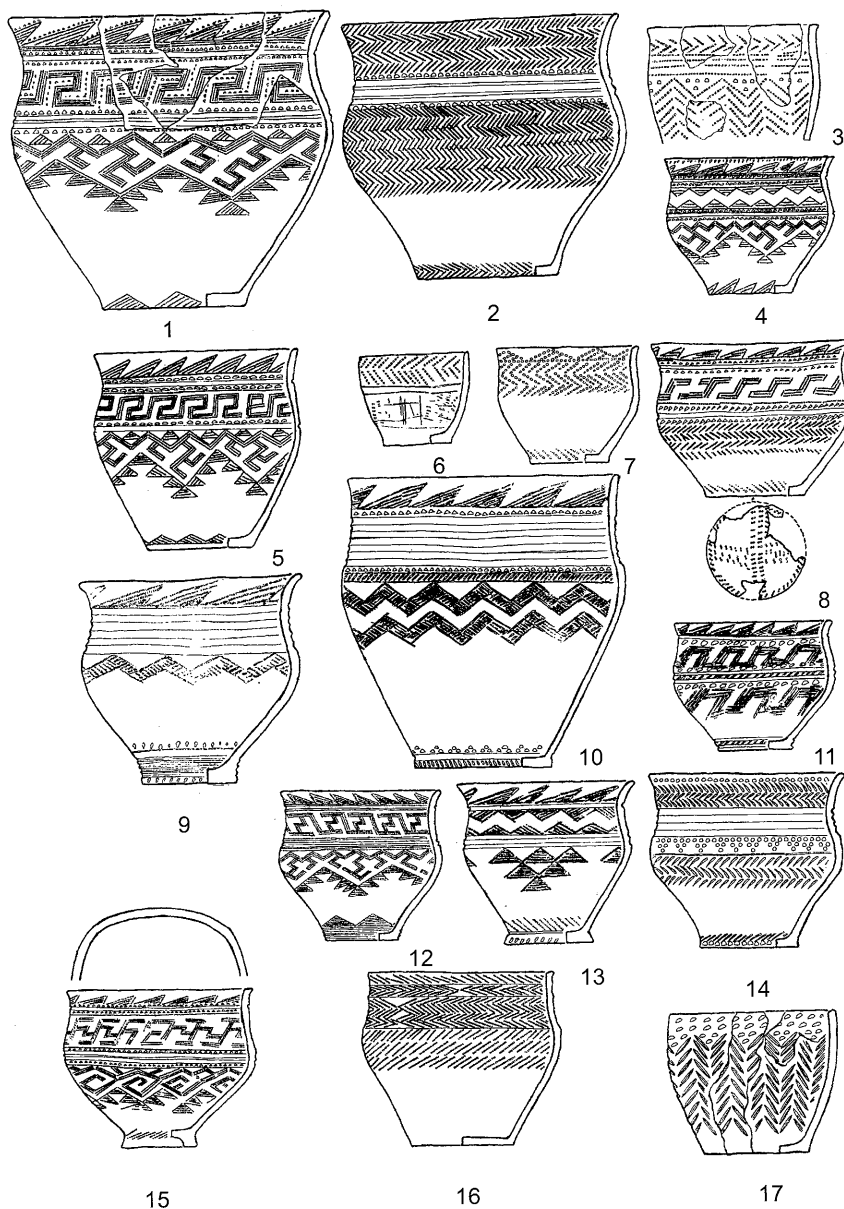

Рис. 8. Керамика из могильника Старый Тартас-4.

1 – 5 – кург. № 10, погр. 1; 6, 7 – кург. № 14, погр. 2; 8 – кург. № 14, погр. 1; 9 – 14 – кург. № 15, погр. 1; 15, 16 – кург. № 16, погр. 1; 17 – грунтовое погр. 2.

ты, Федоровка, Путиловская Заимка-2) [Виноградов, Костюков, Марков, 1996, с. 136, рис. 3; с. 141, рис. 6; Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983, с. 157, рис. 2, 9; Сальников, 1940, с. 63, табл. I, 8; Зданович, 1988, с. 97, рис. 39, 2, 6]. В последнем из перечисленных памятников помимо классических андроновских есть сосуды с нарушениями в орнаментальном каноне, характерные для федоровской традиции.

Западное крыло могильника демонстрирует весьма специфичный набор керамики: два сосуда с подчетырехугольным устьем и один сосуд с ребром, напоминающий алакульский тип (см. рис. 8, 15, 16; 9, 7).

Интересно, что сосуд с четырехугольным устьем из кург. № 16 имеет выраженный красноватый, а прочие – коричневато-серый цвет. Подобное зафиксировано в могильнике Вахрушево: сосуд с четырехугольным устьем красный, а прочие – серо-коричневые [Троицкая, 1969, с. 12]. Можно предположить, что при изготовлении своеобразных по форме сосудов использовались особые формовочная масса и режим обжига.

Яркой особенностью орнамента сосудов данного могильника является частое повторение одного и того же мотива “коврового” узора. Керамический комплекс могильника содержит 13 сосудов с “ковровым” узором, из которых 7 с одним мотивом – трехчетвертной свастики (т.е. свастика, у которой изображены только три ветви, варианты же соединения отдельных таких свастик в непрерывную цепочку могут быть различными). Так, сосуды из кург. № 1 (см. рис. 6, 2), № 6 (см. рис. 7, 1, 2), № 9 (см. рис. 7, 12), № 10 (см. рис. 8, 4), № 12 (см. рис. 7, 14, 15) имеют “ковровый” узор, который можно назвать “утопленной” трехчетвертной свастикой – третья ветвь сливается с опорным зигзагом, идущим по верху плечиков – базовым элементом для построения “коврового” узора. Сосуд из кург. № 10 орнаментирован той же трехчетвертной свастикой, но не “утопленной” – третья ветвь выделе-

на полностью (см. рис. 8, 5). На сосуде из кург. № 15 тот же базовый элемент перевернут – крепится к опорному зигзагу половинной ветвью (см. рис. 8, 12). Прямая полная трехчетвертная свастика встречается еще на двух сосудах, “ковровый” узор которых составлен из разных элементов (кург. № 5, 10) (см. рис. 6, 12; 8, 1). Сосуды только с ведущим вариантом этого узора (“утопленная” трехчетвертная свастика) составляют 53,8% (7 из 13 сосудов). Другой столь часто встречающийся элемент в комплексах с “ковровыми” узорами нам не известен. Сами по себе мотивы, образованные трехчетвертной свасти-

кой, вообще довольно редко встречаются на андроновских сосудах. Так, лишь на 4 из 30 горшков с “ковровым” узором на плечиках, найденных в андроновских могильниках в Кузнецкой котловине, отмечен рассматриваемый орнаментальный мотив. Три таких сосуда обнаружены в могильнике Титово (кург. № 5, мог. 1, 6; кург. № 6, мог. 5) и один в могильнике Танай* (кург. № 10, мог. 4). Данный мотив принадлежит к числу достаточно сложных, и его преобладание в комплексе очевидно. Факт столь значительной концентрации одного сложного орнаментального мотива в рамках керамического комплекса могильника беспрецедентен. Ни на одном из исследованных в настоящее время могильников андроновской культуры не наблюдается столь высокая частота встречаемости одного мотива “коврового” узора. Стоит отметить, что сосуды с трехчетвертной свастикой присутствуют только в центральной группе погребений могильника.

Материалы могильника Старый Тартас-4 дают новую информацию для анализа проблемы корреляции типов орнаментации сосудов и пола погребенных. Погребение кург. № 12 содержало две кучки кремированных останков, около каждой из которых стояло по сосуду. У северного скопления лежала пара полых бронзовых серег, которые, согласно андроновской традиции, могли принадлежать только женщине. Поэтому логично допустить, что северная кучка – останки женщины, а южная – жженные кости мужчины. Такой вывод соответствует традиции андроновцев совершать совместные захоронения людей разных полов по обряду ингумации. Следует обратить внимание на то, что сопровождавшие останки сосуды по степени сложности орнамента практически идентичны.

Остановимся на проблеме корреляции морфологических особенностей посуды и возраста погребенных. Керамические комплексы погребений образуют

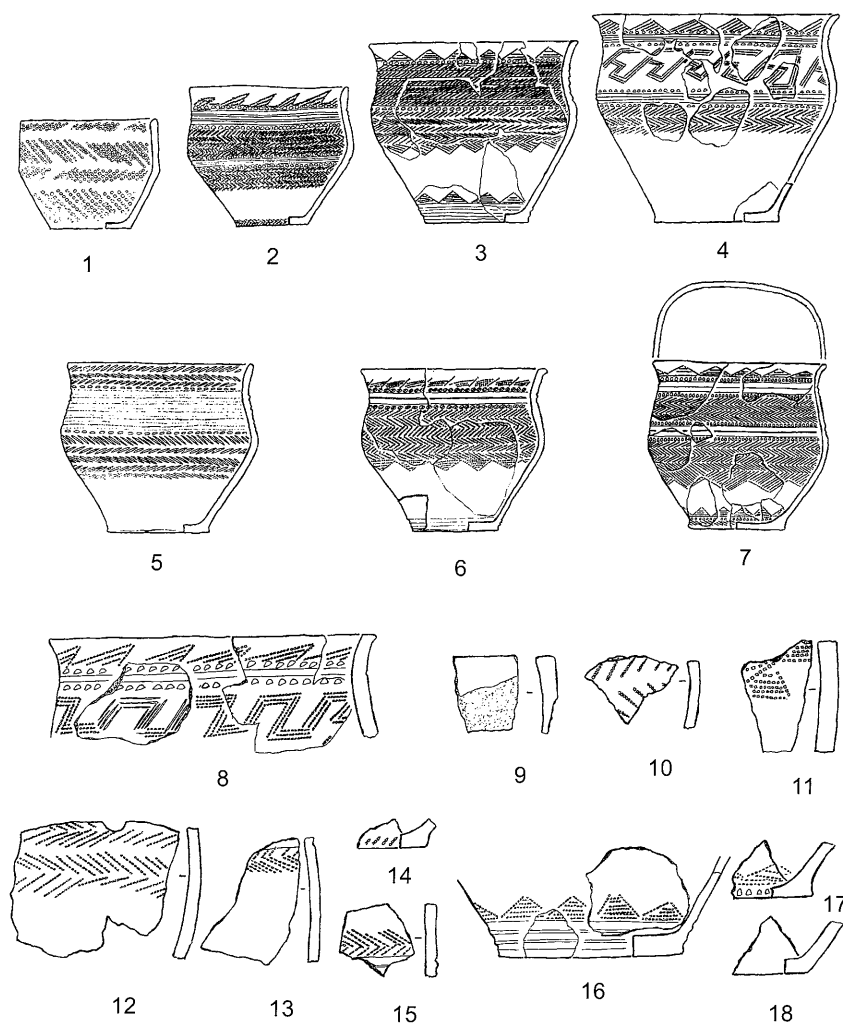

Рис. 9. Керамика из могильника Старый Тартас-4.
1 – кург. № 17, погр. 1; 2 – 4 – кург. № 17, погр. 2; 5 – кург. № 19, погр. 1;
6 – 18 – кург. 19, погр. 2, 3.

две большие группы, которые соответствуют возрастным группам умерших, – детские и взрослые. Определение детских погребений не вызывает сомнений – дети похоронены по обряду труположения, их могильные ямы небольшие по размерам. Погребения взрослых мы выделяем с известными оговорками и по косвенным признакам – размеры могильных ям, характер сопроводительного инвентаря и сохранившиеся фрагменты костей взрослых особей.

Керамика в детских погребениях (кург. № 4 (см. рис. 6, 8), № 7, погр. 1, 2 (см. рис. 7, 5 – 8), № 11 (см. рис. 6, 16), № 13 (см. рис. 6, 14), № 14, погр. 1, 2 (см. рис. 8, 6 – 8), № 17, погр. 1 (см. рис. 9, 1); грунтовые мог. № 1, 2 (см. рис. 6, 15; 8, 17)) и во взрослых различается по всем основным параметрам керамического комплекса. Она разнородная, различается по количеству сосудов, их размерам, форме, орнаментации. Исключение составляет погребение кург. № 9,

* Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Андроновские памятники Обь-Чулымского междуречья. – М., 1989. – 194 с. – Деп. ВНИИОН, 26.06.89, № 38518.

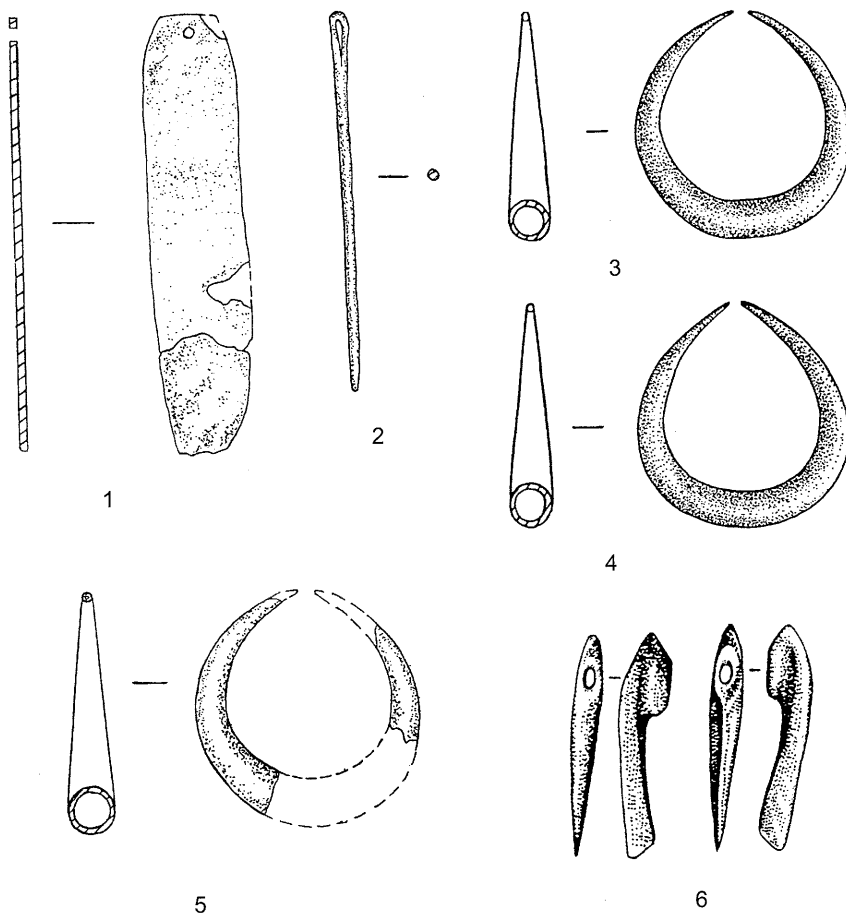

Рис. 10. Изделия из бронзы, обнаруженные при раскопках могильника Старый Тартас-4.

1 – пластина-накладка (кург. № 1, погр. 1); 2 – игла (кург. № 5); 3 – 5 – височные кольца (3 – кург. № 1, погр. 1; 4, 5 – кург. № 12, погр. 1); 6 – вотивный топорик (кург. № 17).

в котором останки ребенка сопровождается комплекс из трех горшков, типичных для погребений взрослых (см. рис. 7, 11 – 13). Из нашего анализа исключается сосуд из погр. 1 кург. № 19 (см. рис. 9, 5) ввиду уникальности этого погребения – очень маленькие размеры могильной ямы (она выкопана специально под сосуд) и присутствия остатков сожжения в самом сосуде. Установить, ребенку или взрослому принадлежит прах, – не представляется возможным. Из-за сильных повреждений двух центральных погребений кург. № 19 и центрального погребения кург. № 17 не удалось установить точное количество находившихся в них сосудов.

В целом комплекс сосудов из детских погребений более однороден по всем показателям, чем сосуды из взрослых захоронений. “Детские” сосуды представлены в основном небольшими банками или горшками переходных форм с простым, преимущественно елочным орнаментом. Из этого общего ряда выделяется сосуд из погр. 1, кург. № 14 (см. рис. 8, 8).

Он больших размеров (диаметр 20 см, высота 15 см), с классической для горшка профилировкой, трехзональным членением орнамента и орнаментированным дном. Выделяется также сосуд из грунтовой детской мог. № 1, имеющий профиль, характерный для горшка, и тщательно выполненный двухзональный орнамент (см. рис. 6, 15).

Сосуды из взрослых погребений не укладываются в единое описание. В одном погребении может быть от одного до шести сосудов, разные по форме (представлены как классические горшки, так и типичные банки, а также горшки с четырехугольным устьем и алакульского типа с ребром). Следует отметить преобладание горшковидных форм (среди полностью сохранившихся сосудов 31 горшок и 7 банок). Эта группа сосудов демонстрирует весь спектр орнаментальных типов, бытовавших в андроновской культуре. Размеры сосудов из взрослых погребений также варьируют в очень широком диапазоне.

Бронзовые изделия

Среди представленных в комплексах предметов особое место занимает бронзовый вотивный топорик, обнаруженный в кург. № 17 (рис. 10, 6). Он является уменьшенной копией массивновислообушного изделия. Полный его аналог – топорик из Змеиногорского рудника [Аванесова, 1991, рис. 13, 53]. Длина по лезвию 4 см, ширина обуха 1 см. По типологии Е.Н. Черных [1970, с. 58], его можно отнести к массивновислообушным топорам, разновидностью которых являются топоры с гребнем. М.П. Грязнов отмечал, что андроновцы имели подобные топоры [1956, с. 21]. Аналогичный по форме топор был найден у д. Ляпиной и отнесен исследователем к массивновислообушным топорам казахстанского типа. Топоры с массивным обухом были характерны и для срубной культуры. Г.Б. Ахмеров предполагает их использование в качестве отбойника или кирки при добычании руды [1955, с. 81]. Е.Е. Кузьмина считает, что массивновислообушные топоры были распространены в запад-

ной части ареала андроновской культуры, Приуралье и памятниках срубной культуры и датирует их третьей четвертью II тыс. до н.э. [1966, с. 11].

Бронзовая игла, изготовленная из круглой в сечении проволоки (рис. 10, 2), была найдена поломанной в кург. № 5. Аналогичное изделие обнаружено в Барабе на памятнике Абрамово-4 [Молодин, 1985, с. 104]. Игла с выраженным ушком из Абрамово-4 также была изготовлена из тонкой проволоки. Аналогичное изделие найдено на территории верхней Оби в Еловском могильнике (ЕК-2) [Матющенко, 1973, с. 12].

Обнаружено три височных бронзовых кольца с несомкнутыми концами: в кург. № 1, погр. 1 – 1 экз., в кург. № 12, погр. 1 – 2 экз. (рис. 10, 3 – 5). Подобные украшения широко известны на всей территории распространения памятников андроновской общности [Аванесова, 1991, рис. 45, 27 – 44; 46, 11 – 45, 49 – 71].

Бронзовая пластина-накладка (рис. 10, 1) обнаружена в погр. 1 кург. № 1.

Прочие находки

Интерес представляет обнаруженное в погр. 2 кург. № 14 скопление из 22 астрагалов. В целом для Барабы астрагалы – нетипичная находка, хотя они встречаются в захоронениях памятника Преображенка-3 [Молодин, 1985, с. 104]. Астрагалы достаточно часто фиксируют в андроновских захоронениях в Верхнем Приобье [Матющенко, 1973, с. 24].

В насыпи кург. № 16 обнаружены речные раковины, которые широко использовались андроновцами в качестве украшений [Там же; Молодин, 1984, с. 104].

Некоторые итоги

Рассматриваемый могильник без сомнения принадлежит восточному ареалу андроновской культурно-исторической общности. По целому ряду признаков он демонстрирует яркое своеобразие. Можно констатировать неоднородность могильника по пространственному размещению насыпей, конструкции подкурганых сооружений, типологическому и орнаментальному наборам керамического комплекса. Причиной такой неоднородности может служить скорее этническая или социальная градация населения, оставившего памятник, нежели хронологический разрыв между сооружениями. Специфические особенности погребального обряда (рвы), имеющие аналоги в памятниках ирменской культуры эпохи поздней поры бронзового века, свидетельствуют, очевидно, о принадлежности могильника к завершающей стадии бытования данной культуры в регионе и подтверждают преемственность ирменской культуры от предшествующей андроновской общности.

Материалы могильника Старый Таргас-4 расширяют источниковую базу для изучения семантики андроновской посуды. Получены дополнительные аргументы в пользу того, что посуда с валиками сосуществовала с классическими типами андроновских сосудов. Показателен факт синхронного бытования классической андроновской посуды федоровского типа и алакульских форм. В оформлении отмечено преобладание “коврового” узора, выявлены специфические черты орнаментации данного керамического комплекса, получены новые материалы, позволяющие судить о корреляции типов сосудов с полом погребенных.

Список литературы

- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б.** Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 11 – 20.
- Аванесова Н.А.** Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.
- Ахмеров Р.Б.** Памятники срубно-хвалынской культуры Башкирии // КСИИМК. – 1955. – Вып. 59. – С. 81 – 90.
- Бобров В.В., Горяев В.С.** Танай-12 – новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. 6: Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г. – С. 226 – 230.
- Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В.** Могильник Солнце-Талика и проблемы генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 131 – 149.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 228 с. – (МИА; № 48).
- Жемерикин Р.В.** Семиотический анализ керамического комплекса погребения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г. – С. 366 – 371.
- Зданович Г.Б.** Бронзовый век урало-казахстанских степей. – Свердловск: УрГУ, 1988. – 184 с.
- Зотова С.В.** Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1965. – С. 177 – 181.
- Кирюшин Ю.Ф.** Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // “Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...”: Сборник, посвященный памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 58 – 75.
- Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю.** Андроновский могильник Подтурино // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – С. 67 – 94.

- Ковтун И.В., Горяев В.С.** Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиции // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: АГУ, 2001. – С. 53 – 63.
- Ковтун И.В., Михайлов Ю.И.** Композиционные структуры в декоративном оформлении андроновской посуды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. – С. 253 – 257.
- Комарова М.Н.** Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1961. – Вып. 3. – С. 32 – 73.
- Кузьмина Е.Е.** Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. – М.: Изд-во АН СССР, 1966. – 150 с. – (САИ; Вып. В4-9).
- Кузьмина Е.Е.** Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: “Восточная литература”, 1994. – 464 с.
- Максименков Г.А.** Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 192 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.** Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 435 с.
- Матвеев А.В.** Первые андроновцы в лесах Зауралья. – Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1998. – 416 с.
- Матющенко В.И.** Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: ТГУ, 1973. – Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби. – 118 с. – (Сер. “Из истории Сибири”; Вып. 11).
- Михайлов Ю.И.** Орнамент андроновского керамического комплекса: Проблемы анализа и интерпретации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 18 с.
- Молодин В.И.** Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-3) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: БашкГУ, 1984. – С. 37 – 44.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В.** Археологические памятники Венгерского района Новосибирской области: Материалы “Свода памятников истории и культуры народов России”. – Новосибирск: НИЦ по сохранению историко-культурного наследия, 1998. – Вып. 3. – 140 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Гришин А.Е.** Результаты последнего года полевых исследований могильника андроновской культуры Старый Тартас-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4: Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. – С. 294 – 299.
- Молодин В.И., Соболев В.И.** Андроновские погребения памятника Преображенка-3 // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1975. – № 1. – С. 113 – 119.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А.** Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125 – 206.
- Оразбаев А.М.** Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. Ин-та ист., арх. и этногр. Академии наук Казахской ССР. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. – Т. 5. – С. 216 – 294.
- Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б.** Погребальные комплексы эпохи бронзы южной Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г. – С. 435 – 459.
- Позднякова О.А.** Об этапе становления алтайского андроноведения // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия: Сб. науч. тр. молодых ученых ист. фак. АГУ. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 89 – 93.
- Сальников К.В.** Андроновский курганный могильник у села Федоровка // МИА. – 1940. – № 1.
- Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н.** Курганы федоровского типа могильника Урефты I // СА. – 1983. – № 1. – С. 155 – 166.
- Тишкин А.А., Позднякова О.А.** Новые материалы андроновской культуры с территории лесостепного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2001 г. – С. 460 – 464.
- Троицкая Т.Н.** Памятники андроновской культуры (по материалам Новосибирской археологической экспедиции) // Из истории Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, 1969. – С. 3 – 20.
- Хлобыстина М.Д.** К вопросу о “биритуальных” обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. – Кемерово: КемГУ, 1976. – С. 8 – 15.
- Черных Е.Н.** Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 180 с.
- Шамшин А.Б.** Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященные 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. – С. 326 – 331.
- Эрлих В.А.** Бронзовый век Западной Сибири: Реферативный указатель отечественной археологической литературы 1917 – 1965 гг. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1994. – 234 с.

Материал поступил в редколлегию 16.05.02 г.